
ПОЭТИКА И СТИЛИСТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

УДК 821.161.1

ЮРЧЕНКО Т.Г.¹ СТАТЬИ И.А. ВИНОГРАДОВА О ГОГОЛЕ В
ЖУРНАЛЕ «ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ». (Об-
зор).

DOI: 10.31249/lit/2021.02.03

Аннотация. В обзоре представлены статьи И.А. Виноградова, объединенные мыслью о неразрывной целостности пути Гоголя как художника. Опираясь на множество фактов (некоторые из них вводятся в научный оборот впервые), исследователь предлагает по-новому осмыслить произведения писателя, опровергая утверждения о том, что смыслы, присущие творчеству Гоголя позднего периода, не характерны для его ранних повестей. Развенчиваются также и некоторые биографические мифы.

Ключевые слова: текстология; интерпретация; замысел; авторкомментарий; мистификация; биографический миф; духовное наследие; западники; славянофилы; просвещенный монарх; наставник; патриотизм; литературоцентризм; закон; консерватизм; либерализм; «огорченные люди»; «лишние люди»; Н.В. Гоголь.

YURCHENKO T.G. I.A. Vinogradov's articles about Gogol in the journal «Problemy istoricheskoy poetiki». (Review).

Abstract. The review concerns the I.A. Vinogradov's articles on different aspects of Gogol's creative work united by the idea of indis-

¹ Юрченко Татьяна Генриховна – старший научный сотрудник отдела литературоведения ИНИОН РАН, ответственный секретарь «Литературоведческого журнала».

soluble integrity of the writer's legacy. Basing on a lot of facts (including those presented for the first time) the scholar suggests a new approach according to which the late works of Gogol and the early ones do not differ in their meaning that much as it is usually considered. Vinogradov also rejects some Gogol's biographical myths.

Keywords: textology; interpretation; intention; autocomment; mystification; biographical myth; spiritual heritage; Westerners; Slavophiles; the enlightened sovereign; mentor; patriotism; literary centrism; law; conservatism; liberalism; «grieved people»; «superfluous people»; N.V. Gogol.

Для цитирования: Юрченко Т.Г. Статьи И.А. Виноградова о Гоголе в журнале «Проблемы исторической поэтики». (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7 : Литературоведение. – 2021. – № 2. – С. 36–51. DOI: 10.31249/lit/2021.02.03

Игорь Алексеевич Виноградов – доктор филологических наук, главный научный сотрудник ИМЛИ РАН, специалист по творчеству Н.В. Гоголя, в своих статьях обращается к важнейшим проблемам гоголевского творчества, опровергая многие широко бытующие представления как об идейных установках писателя, так и о его биографии.

Уже гоголевским современникам было ясно, отмечает И.А. Виноградов [3], что творчество писателей «натуральной школы», идущей, по Белинскому, от Гоголя, на самом деле от него далеко отстоит. Это признавал и сам Белинский, истинный «отец» этого направления. С самой первой статьи о Гоголе («О русской повести и повестях г. Гоголя», 1835) Белинский представлял писателя как творящего в состоянии «поэтического сомнамбулизма», провозглашая тем самым противоречие между художнической интуицией и мировоззрением и открывая возможность произвольного истолкования образов, разъяснять которые призван проницательный критик.

Известное письмо Белинского 1847 г. к писателю по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями» стало заключительной фазой конфликта, ознаменовав разрыв «натуральной школы» с Гоголем. Белинский, пишет исследователь, «как верный вырази-

тель взглядов этой школы задал в своих устных и печатных выступлениях весьма долгую (и сомнительную) “традицию” – принимать все собственно гоголевское, т.е. все, не искаженное радикальными интерпретациями, – в штыхы» [3, с. 54].

Идея Белинского о «двух Гоголях» (бессознательном художнике и слабом мыслителе) была активно подхвачена в западническом лагере: А.И. Герцен («О развитии революционных идей в России», 1851), Н.Г. Чернышевский («Очерки гоголевского периода русской литературы», 1855), П.В. Анненков («Воспоминания о Гоголе», 1857), в дальнейшем – Н.А. Добролюбов, А.Н. Пыпин, Д.Н. Овсяннико-Куликовский, Н.А. Котляревский, Н.И. Коробка. Интерпретация Гоголя Белинским своеобразно отразилась в статьях А.В. Дружинина, С.С. Дудышкина, позднее В.В. Розанова и Н.А. Бердяева: здесь образ Гоголя, созданный радикальными западниками, подвергся критике, будучи принят за истинное лицо писателя.

Подлинное происхождение «натуральной школы» связано между тем с французской литературой, что отмечали уже современники. В 1847 г. Ю.Ф. Самарин писал по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями»: «Гоголь первый дерзнул ввести изображение пошлого в область художества. <...> Нужно было породниться душою с тою жизнью и с теми людьми, от которых отворачиваются с презрением, нужно было почувствовать в себе самом их слабости, пороки и пошлость, чтобы в них же почувствовать присутствие человеческого; и только это одно могло дать право на обличение. <...> Натуральная школа переняла у Гоголя только его односторонность, т.е. взяла у него одно содержание. <...> Направление заимствовано у новейшей Французской литературы – это карикатура и клевета на действительность, понятая как исправительное средство» [цит. по 3, с. 67].

Проблема «гоголевских» и «антигоголевских» традиций продолжает оставаться актуальной, преломившись в вопросе о якобы присущей русской культуре «литературоцентричности». Как показывает исследователь, «литературоцентричной» русская культура стала лишь в середине XIX в., причем прежде всего – для либеральной интеллигенции: именно либеральная мысль «сделала

из художественной литературы главный плацдарм, откуда разворачивались основные движения, направленные против традиционного уклада русской жизни. Для остального тогдашнего общества светская художественная словесность – безусловно, всегда обладавшая важным для всех значением, – в центре исключительного внимания тем не менее никогда не стояла. Главную ценность для русского национального самосознания традиционно составляли отечественная и мировая история, богословие, агиография, иконография, церковная проповедь, церковное и гражданское право, фольклор, философия, воспитание, образование» [3, с. 97–97].

Идея была подхвачена пришедшей на смену либерализму советской эпохой: «в “литературоцентричности” либеральной ветви русской культуры, в разрушительной по отношению к исторической России художественной беллетристике XIX в. новая эпоха закономерно черпала себе оправдание и подкрепление» [3, с. 98].

При этом, подчеркивает И.А. Виноградов, основу светской «литературоцентричности» в русской культуре заложили вовсе не либералы, а консерваторы, представители проправительственной партии. Сделано это было с благой целью – вовлечь отечественных литераторов в процесс государственного, общенационального строительства и связано с провозглашением в 1832–1834 гг. новым министром народного просвещения С.С. Уваровым православия, самодержавия и народности в качестве основ образования. Высшим проявлением народности была объявлена именно литература, которая объявлялась делом государственной важности. Можно сказать, полагает исследователь, «что 1834 г. является годом рождения русской классической литературы в том ее общенациональном, общегосударственном статусе, который она сохраняет до наших дней» [3, с. 99]. Гоголь же был «одним из главных сторонников “народности” русской литературы в уваровском, правительственном духе и убежденным противником либерального литературоцентризма своего века» [3, с. 100].

Исследователь анализирует произведения Гоголя с точки зрения отражения в них соблюдения законов Российской империи, более ста томов которых вышли в свет при жизни писателя, и подчеркивает, что начиная с «Вечеров на хуторе близ Диканьки» го-

голевские обличения всегда были в русле правительственного законодательства и усилий Церкви по духовному воспитанию русского человека [1].

В юности Гоголь предполагал связать свою судьбу с правовым поприщем, о чем свидетельствуют его письма к родным. «Мысль о “службе государству”, с пристальным вниманием к сфере юстиции, – пишет И.А. Виноградов, – Гоголь пронес через всю жизнь» [1, с. 65]. Из указов, которые отразились в произведениях Гоголя, исследователь называет: законы о суевериях, о пьянстве, о винных откупках и корчемстве, постановления о недоимках, указы о «ревизии душ» и «ревизии дел», запретительные указы о взятках, ростовщичестве, роскоши, контрабанде, о распутстве, карточной игре и пр. В частности, для «Ревизора» значимыми оказываются многочисленные правительственные указы о «ревизии дел», которых с XVIII в. по 1836 г. было издано более двухсот, а также указы об искоренении взяток. Актуальны для поэмы «Мертвые души» положения о займах из Государственного опекунского совета, которыми намеревался воспользоваться Чичиков при предполагаемом закладе «мертвых душ» с целью обмана государственной финансовой системы. Содержание повестей «Нос» и «Невский проспект» перекликается с многочисленными указами о разрушающем «дворянское достоинство» распутстве.

В отличие от радикально настроенных современников, Гоголь не выступал за ниспровержение существующей будто бы «неправедной» власти, видя, напротив, свою миссию в том, чтобы всемерно ее укрепить. Обличения Гоголя имели своей целью именно поддержку «правдивых законов» государства и Церкви (единых в православной державе) и устранение того, что мешает полноценной деятельности правительства. «Вера в народ сочеталась у Гоголя с трезвым пониманием падшести человеческой природы, а гражданские законы конкретизировали, приближали церковные “вечные” правила к условиям современной жизни, обеспечивая, таким образом, применение церковных узаконений к новым потребностям и обстоятельствам» [1, с. 81]. Отсюда – педагогическая и проповедническая составляющие произведений Го-

голя, присущие ему на протяжении всего творчества и глубоко определяющие его поэтику.

Отсюда же – и гоголевская концепция «просвещенного монарха» [6], сформировавшаяся на фоне поворота к доктрине Православия, Самодержавия, Народности. «Этот поворот государственной политики – от недавней космополитической деятельности на ниве просвещения министров А.Н. Голицына и К.А. Ливена – органично “совпал” с собственными, внутренними устремлениями Гоголя, который с конца 1833 г. вступил с Уваровым в открытое сотрудничество, заняв в 1834 г. кафедру истории Петербургского университета» [6, с. 112]. Как полагает исследователь, именно к инициативам Уварова восходит замысел начатых Гоголем в 1835 г. «Мертвых душ» и написанного тогда же «Ревизора». Среди других факторов, способствовавших кристаллизации концепции Гоголя, – деятельность одного из его школьных наставников – директора Гимназии высших наук в Нежине Ивана Семеновича Орлая, ставшего во втором томе «Мертвых душ» прообразом Александра Петровича (директора училища и наставника юного помещика Тентетникова). Однако главные черты позднейших «школьных» образов второго тома «Мертвых душ», замечает И.А. Виноградов, угадываются уже в статье «Ал-Мамун» (1834), которая стала прямым результатом работы Гоголя над задуманным в том же 1834 г. «Трактатом о правлении». В «Ал-Мамуне» писатель изложил свои представления об идеальном современном монархе под видом сравнения правлений двух арабских халифов VIII–IX вв. – искусного монарха Гаруна и неразумного монарха-неудачника Ал-Мамуна. Создавая образ идеального наставника – Александра Петровича, Гоголь, по сути, подразумевает идеального монарха, который «должен быть не только мудрым организатором, не только наблюдать за “строжайшим исполнением форм”, но и вести себя с подчиненными как любящий, внимательный педагог» [6, с. 118].

В статье «О лиризме наших поэтов» Гоголь писал о высшем назначении монарха, который «неминуемо должен наконец сделаться весь одна любовь» [цит. по: 6, с. 117]. Соответственно, и

воспитывать своих подданных монарх должен «всемогущей» христианскою любовью.

В мысли о том, что любовь из частной узкой сферы может быть распространена на общественное поприще, Гоголя, считает исследователь, укрепляла статья П. Плетнёва «Императрица Мария» (1836) – о деятельности императрицы Марии Федоровны в подведомственных ей женских учебных заведениях, появившаяся в 1836 г. в пушкинском «Современнике». Каждое из этих заведений, писал Плетнёв, «как благословенное семейство, цветет внутренним счастьем: все в нем единодушно стремятся к общей цели, любят свой долг и не могут не уважать друг друга: они уравнены вниманием, оживлены признательностию; им неизвестны никакие побудительные меры, кроме тех, которые умеет избирать одна чистейшая любовь» [цит. по 6, с. 117].

Одним из подтверждений того, что Гоголь, создавая образ директора училища Александра Петровича, имел в виду и монарха («власть одного»), свидетельствуют слова рассказчика: «Толпа воспитанников его с виду казалась так шаловлива, развязна и жива, что иной принял бы ее за беспорядочную, необузданную вольницу. Но он обманулся бы: власть одного слишком была слышна в этой вольнице» [цит. по 6, с. 123].

Несмотря на разрушительные попытки Белинского и его «школы», гоголевская писательская традиция – и в осуждении порока, и в утверждении добродетели – была сохранена и продолжена. Ее подлинными продолжателями стали А.Н. Островский, Ф.М. Достоевский, А.Ф. Писемский, И.А. Гончаров, А.К. Толстой, Н.С. Лесков, противостоявшие направлению радикальному, обличительному.

В силу идеологических причин отечественное литературоведение долгие годы не затрагивало неизменно критическое отношение Гоголя к «оппозиционерам», развивает тему исследователь в другой статье [7], но, напротив, особенно настаивало, вслед за современной писателю радикальной критикой, на образе писателя как обличителя самодержавной России, рассматривая с этой точки зрения и тему «маленьких людей».

Однако тема «маленького человека» у Гоголя – лишь частное преломление более широкой темы «оппозиционного», «огорченного человека» как представителя обширной галереи «мертвых душ», причем «гоголевский тип “огорченного человека” связывает собой целую плеяду типов “лишних людей”»: пушкинского Евгения Онегина, лермонтовского Печорина, “новых людей” Н.Г. Чернышевского, “подпольного человека” Ф.М. Достоевского и др.» [7, с. 30].

Как на одно из многочисленных свидетельств того, что политическое мировоззрение Гоголя практически не менялось, исследователь указывает на суждения писателя об «отчаянно дерзких», «опрометчивых» людях, желающих «исправить несправедливость», но наносящих «в обратном количестве» «столько же зла», высказанные им в 1836 г. в статье «Петербургская сцена в 1835–36 г.» и спустя много лет повторенные в первой главе второго тома «Мертвых душ».

Как полагает И.А. Виноградов, образ «коптителя неба» Тентетникова (который был вовлечен в «неразумное дело», но «скоро спохватился» и из круга «огорченных людей» выбыл) во втором томе «Мертвых душ» «предназначен был явить собой ответ так называемым “лишним людям” – тем из современников, которые в его “сатирических” произведениях находили, вслед за Белинским, оправдание своей оппозиционности и бездействия на поприще служения России» [7, с. 37].

Идейный «прототип» Тентетникова – непоследовательный, подверженный соблазнам, «без царя в голове» герой раннего драматического «Отрывка», извлеченного в 1842 г. из незавершенной комедии Гоголя «Владимир 3-ей степени» (1832–1834). «Лишним человеком» предстает «бунтующий» герой другой ранней повести Гоголя «Записки сумасшедшего» (1834) – «огорченный человек» Поприщин, мечтающий не о службе отечеству, а о дочери начальника: «по замыслу автора, он являет собой результат собственного нежелания возрастать в назначенном служении» [7, с. 42], нежелания вообще что-либо предпринимать, поскольку, как поясняет И.А. Виноградов, с 1809 г. для получения следующего чина, коллежского асессора, требовалось посещение лекций и сдача уни-

верситетского экзамена (предшествующие чины давались за выслугу лет).

«Все эти гоголевские образы бунтующих “недоучек” имеют самое непосредственное отношение и к не окончившему “университетского курса” радикалу Белинскому. Именно положение Башмачкина и Поприщина, не одолевших ступени университетских экзаменов и не сумевших реализовать свой талант в подлинном служении Отечеству, служило Гоголю неким подобием состояния духовного и интеллектуального образования критика, погубившего, по оценке писателя, свой талант в “ожесточении и ненависти”» [7, с. 44].

Одного из первых «лишних людей» в русской литературе – Евгения Онегина, сочетающего в себе, подобно своему прототипу – Байрону, «гениальную» избранность и разочарованную оппозиционность, Гоголь переосмыслил в образе «пустейшего, ничтожнейшего мальчишки» Хлестакова в «Ревизоре».

По Гоголю, «лишние люди» – пошлые, мелкие бунтари, находящиеся в непрерывной вражде с окружающим миром, но не предпринимающие ничего для умножения своих талантов. «Все стремления Гоголя как писателя, пафос всех его произведений направлены не к изменению политической системы общества – в угоду требованиям “лишнего”, “огорченного человека”, духовного “недоросля”, – заключает И.А. Виноградов, – но обращены к жизни каждого христианина, следующего христианским заповедям» [7, с. 96].

Предметом внимания исследователя становится и утверждение Белинского о якобы «повороте» Гоголя от космополитизма к патриотизму [2], о чем критик сообщал в своем письме В.П. Боткину от 11.12.1840: <Гоголя> «начинает занимать Россия, ее участь, он грустит о ней; ибо в последний раз он увидел, что в ней есть люди! А я – торжествую: субстанция общества взяла свое – космополит поэт кончился и уступает свое место русскому поэту» [цит. по 2, с. 38]. Это мнение Белинского позднее трижды повторит в своих мемуарах славянофил С.Т. Аксаков, и оно получит широкое распространение среди литературоведов.

С.Т. Аксаков поддался влиянию Белинского, считает И.А. Виноградов, не случайно: критик выразил лестное для него мнение, что сильное «чувство к России» в Гоголе пробудил сын Аксакова – Константин. Как писал С.Т. Аксаков, «без сомнения, пребывание в Москве, в ее русской атмосфере, дружба с нами и особенно влияние Константина, который постоянно объяснял Гоголю, со всею пылкостью своих глубоких, святых убеждений, все значение, весь смысл Русского народа, были единственные тому причины» [цит. по 2, с. 41].

Однако, по мысли И.А. Виноградова, в действительности все было скорее наоборот, судя по содержанию писем Гоголя к Аксаковым того периода: «...в 1839–1840 гг. не К.С. Аксаков Гоголя, но Гоголь К.С. Аксакова убеждал в приоритете русских ценностей» [2, с. 43]. Так, в письме к С.Т. Аксакову от 28.12.1840 (н. ст.) Гоголь прямо намекал на увлечение Константина Аксакова немецкой схоластикой.

Взгляды Гоголя были чужды не только Белинскому, усматривавшему служение отечеству в оппозиционности сложившимся формам русской государственности, но и Аксаковым, неприятие которых вызывала позиция Гоголя, выраженная в статье «О лиризме наших поэтов»: «Все события в нашем отечестве, начиная от порабощенья татарского, видимо клонятся к тому, чтобы собрать могущество в руки одного» [цит. по: 2, с. 46–47].

Не будучи никогда сам западником, Гоголь, разделявший в основном все главные положения славянофильства, возвышался над ними, полагает исследователь, как последовательный славянофил-«государственник»: вслед за Н.М. Карамзиным и С.С. Уваровым «во главу угла славянофильства Гоголь ставил интересы России как уникального государства единственного славянского народа, сохранившего в истории свою независимость и самобытность» [2, с. 59].

Размышляя об апокалиптическом толковании комедии «Ревизор», на которое указал сам Гоголь в пьесе «Развязка Ревизора» (1846) [10], И.А. Виноградов указывает на апокалиптический подтекст и некоторых других произведений писателя. Имеются в виду, в частности, опубликованные в 1835 г. в сборнике «Арабески»

статьи «О преподавании всеобщей истории», «Жизнь», «Последний день Помпеи», а также первая редакция повести «Портрет». В связи с этим затрагивается вопрос о влиянии на Гоголя мистических веяний, получивших широкое распространение в 1820–1830-х годах. Особенно популярным в России стал немецкий мистик И.Г. Юнг-Штиллинг, который в своем толковании на Апокалипсис – «Победной повести» (1799), предсказывал конец света в 1836 г. (год выхода в свет «Ревизора»). Это произведение в переводе А.Ф. Лабзина имелось в библиотеке Пушкина, подсказавшего, по свидетельству Гоголя, ему идею «Ревизора».

Можно предположить, считает И.А. Виноградов, что, «создавая пьесу, Гоголь прямо имел в виду настроения определенной части русского общества, связанные с апокалиптическими предсказаниями Штиллинга¹ и, в частности, с его “пророчествами” о 1836 г. Это следует как бы из самого финала комедии» [10, с. 79]. Вместе с тем содержание гоголевской пьесы прямо противоположно штиллинговскому сектантскому толкованию Апокалипсиса, согласно которому дух Христов «сохраняется и сохранится до конца мира» только в протестантской гернгутерской церкви: как глубоко верующему христианину Гоголю подобное утверждение было совершенно чуждо.

Исследователь обосновывает точку зрения, согласно которой один из многочисленных авторских комментариев Н.В. Гоголя к комедии «Ревизор» – статья «Предупреждение для тех, которые пожелали бы сыграть как следует “Ревизора”», была написана не осенью 1846 г., как это принято считать, но в феврале 1841 г. и связана с историей создания Гоголем в конце декабря 1840 – феврале (н. ст.) 1841 г. второй редакции «Ревизора» [9]. «Предупреждение...» было обусловлено надеждой писателя на новую постановку «Ревизора».

Текст «Предупреждения...» стал «черновым наброском» двух опубликованных позднее текстов – «Отрывка из письма, писанного автором вскоре после первого представления “Ревизора” к

¹ Иоганн Генрих Юнг-Штиллинг (1740–1817) – немецкий писатель, мистик и теософ. – *Прим. автора обзора.*

одному литератору» и предварительным наброском пояснений к немой сцене в окончательной редакции «Ревизора», которые Гоголь выслал для нового издания пьесы весной 1841 г. из Рима в Москву М.П. Погодину и С.Т. Аксакову.

В пользу датировки «Предупреждения...» началом 1841 г. свидетельствует и текстологический анализ, обнаруживающий близость «Предупреждения...» к «Отрывку из письма, писанного автором вскоре после первого представления “Ревизора”...» и к тексту «Немая сцена» в окончательной редакции комедии, а также палеографические данные – бумага гоголевских автографов.

«Предупреждение...» планировалось в качестве вступительной статьи ко второму изданию «Ревизора» 1841 г., но так и осталось в рукописи и было впервые опубликовано лишь в 1886 г. Новая датировка «Предупреждения...», отмечает исследователь, существенно корректирует историю текста «Ревизора»: «Первое описание “немой сцены”, появившееся в 1842 г. в третьем издании комедии, было сделано Гоголем в начале 1841 г. именно в этой статье» [9, с. 166]. Таким образом, опираясь на множество фактов, И.А. Виноградов доказывает, что «Предупреждение...» не является попыткой Гоголя приписать своей комедии новые смыслы, традиционно связываемые с «поздним» периодом его творчества: оно глубоко органично изначальному религиозному замыслу комедии.

К «Женитьбе» (опубл. в 1842 г.) вполне применим тот же ключ, что был дан самим Гоголем для понимания «Ревизора» в его «Развязке Ревизора», считает И.А. Виноградов [5]. Это признание писателя о сути своего художественного метода можно рассматривать как автокомментарий ко всему гоголевскому творчеству, цельному и единому на всем своем протяжении.

«Всмотритесь-ка пристально в этот город, который выведен в пьесе: все до единого согласны, что такого города нет во всей России, не слыхано, чтобы где были у нас чиновники все до единого такие уроды; хоть два, хоть три бывает честных, а здесь ни одного, – писал Гоголь в “Развязке...”». – Словом, такого города нет. Не так ли? Ну, а что, если это наш же душевный город, и сидит он у всякого из нас?» [цит. по 5, с. 67].

Проблематика «Ревизора», раскрытая в «Развязке...», затронута и в ряде других произведений писателя, в том числе в самых ранних: в «Сорочинской ярмарке», «Записках сумасшедшего», «Тарасе Бульбе», «Коляске», «Риме», в статьях «О Средних веках», «О сословиях в государстве». При этом наиболее важно то, что «идеи, высказанные в “Развязке Ревизора” (те духовные размышления, которые определили замысел комедии при самом его зарождении), были изложены писателем – в другой форме, но почти в той же последовательности – в 1841 г. в одиннадцатой главе “Мертвых душ”» [5, с. 68].

В многоголосии «Женитьбы» слышен напряженный «монолог» «душевного города» Гоголя, помогающий понять, почему писатель до конца своих дней оставался «монахом в миру». Гоголь с его идеей высокого служения поэта-«пророка» много размышлял о возможном отступлении художника от его призвания, о ниспадении в «омут светских отношений». Реальным комментарием к «Женитьбе» стала сама жизнь писателя, воспринимавшаяся им как самоотверженное служение, и его последующее творчество. Как писал в 1852 г. вскоре после кончины писателя его близкий друг Василий Андреевич Жуковский, «настоящее его призвание было монашеское» [цит. по: 5, с. 80].

Обращаясь к осмыслению биографии писателя, в частности, к распространенному в массовом сознании представлению о том, что Гоголь уморил себя голодом в приступе религиозного фанатизма, И.А. Виноградов отмечает [4], что распространителями подобных историй стали те, кому духовные устремления писателя были чужды. Ожесточенная борьба за наследие Гоголя, которая была начата еще при жизни писателя Белинским, толковавшим его творчество в радикальном духе, в дальнейшем была продолжена последователем Белинского А.Д. Галаховым, западником В.П. Боткиным и другими распространявшими слухи о сумасшествии писателя. Полного понимания не было и среди друзей, указывает исследователь, цитируя слова С.Т. Аксакова из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» о том, что постоянное гоголевское стремление «к улучшению в себе духовного человека» стало к

концу жизни писателя «несовместимо с телесным организмом человека».

Другой миф – о сознательном отказе Гоголя от медицинской помощи – также не выдерживает критики. «Не избегая лечения у врачей, Гоголь на протяжении всей жизни рассматривал болезни как промыслительное средство воспитания человека и настоящим Врачом и Целителем считал Самого Бога» [4, с. 116].

Еще одним биографическим мифом являются слухи о погребении писателя заживо, опровергаемые заключением врачей о смерти и свидетельствами двух очевидцев, наблюдавших «следы разрушения». Важную роль в появлении подобных слухов сыграли, в частности, неоднократные упоминания о летаргии в текстах Гоголя («Страшная месть», «Арабески», «Выбранные места из переписки с друзьями» и др.), одним из источников сведений о которой могла стать книга «Врачебные известия о преждевременном погребении мертвых, собранные Иоганном Георгом Давидом Еллизенем. С нем. перевел В. Джунковский» (1801)¹.

Писатель действительно испытывал страх быть погребенным заживо, но «само понимание болезней и смерти было для Гоголя неразрывно связано с верой в участие Промысла в жизни человека» [4, с. 111]. Болезнь, по убеждению Гоголя, «дается человеку не только для смирения (что само по себе чрезвычайно важно), но и как прямое указание к перемене жизни, а художнику – еще и к усовершенствованию его писательской деятельности» [4, с. 117]. Это отчасти проясняет, по мнению И.А. Виноградова, акт сожжения писателем перед кончиной второго тома «Мертвых душ».

Специальное внимание уделяется мемуарам штаб-лекаря А.Т. Тарасенкова, искажения в которых исследователь объясняет прагматизмом лекаря, отстаивавшего интересы врачебного сословия.

Исследователь прослеживает историю и другой мистификации – рассказа о том, как духовник Гоголя протоиерей Матфей Константиновский якобы требовал от него «отречения от Пушкин-

¹ Виноградов И.А. Гоголь – художник и мыслитель : христианские основы мирозерцания. – Москва : Наследие, 2000. – С. 356.

на» [8]. Рассказ появился в опубликованной на страницах газеты «Новое время» (11 декабря 1901 г.) статье В.В. Розанова «Небесное и земное», где он приписывается неназванному собеседнику, изложившему его в некотором «небольшом кружке» во время разговоров на философские и религиозные темы. Розанов описывает первое заседание Религиозно-философских собраний в Петербурге 29 ноября 1901 г., и, как считает И.А. Виноградов, есть достаточные основания полагать, что «собеседником» и, следовательно, автором этой мистификации был Д.С. Мережковский, который в 1902 г. использовал ее в своей книге о Гоголе.

Публикация Розанова 1901 г. не осталась незамеченной; сообщение о требованиях о. Матфея к Гоголю повторил Н.А. Энгельгардт в статье «Отец Матвей в русской критике», напечатанной в «Новом времени» 16 декабря 1901 г. Благодаря этой и другим публикациям, вымысел Мережковского прочно укоренился в литературном обиходе.

В практике Мережковского, как отмечает исследователь, случай с Гоголем был не единственным, когда вымышленные цитаты возмещали ему отсутствие материала для утверждения своей концепции. В его книге «Л. Толстой и Достоевский» присутствует такая вымышленная цитата якобы «из Достоевского»¹.

Таким образом, опираясь на множество фактов – некоторые вводятся в научный оборот впервые, – исследователь предлагает по-новому прочитать Гоголя, осмыслить его произведения в их органическом единстве и взаимосвязанности.

Список литературы

1. Виноградов И.А. Концепт закона в творчестве Н.В. Гоголя // Проблемы исторической поэтики. – 2020. – Т. 18, № 2. – С. 64–86.
2. Виноградов И.А. Космополит или патриот? Концепция патриотизма в спорах с Гоголем и о Гоголе // Проблемы исторической поэтики. – 2017. – Т. 15, № 3. – С. 35–69.

¹ См. об этом: Захаров В.Н. Концепция фантастического в эстетике Ф.М. Достоевского // Художественный образ и историческое сознание : межвуз. сб. / отв. ред. И.П. Лупанова. – Петрозаводск, 1974. – С. 121.

3. Виноградов И.А. Литературная проповедь Н.В. Гоголя : Pro et contra // Проблемы исторической поэтики. – 2018. – Т. 16, № 2. – С. 49–124.
4. Виноградов И.А. Мифы о смерти Н.В. Гоголя : источники, становление, поэтика // Проблемы исторической поэтики. – 2020. – Т. 18, № 4. – С. 99–137.
5. Виноградов И.А. Монолог Н.В. Гоголя в многоголосье «Женитьбы» // Проблемы исторической поэтики. – 2018. – Т. 16, № 1. – С. 66–102.
6. Виноградов И.А. Образ монарха-наставника в творчестве Н.В. Гоголя // Проблемы исторической поэтики. – 2019. – Т. 17, № 2. – С. 111–134.
7. Виноградов И.А. «Огорченные люди» в творчестве Н.В. Гоголя // Проблемы исторической поэтики. – 2018. – Т. 16, № 4. – С. 29–112.
8. Виноградов И.А. Провокация вымысла : мистифицированная цитата Д.С. Мережковского как литературная реалья в изучении Н.В. Гоголя // Проблемы исторической поэтики. – 2017. – Т. 15, № 4. – С. 7–21.
9. Виноградов И.А. Эволюция текста : авторский комментарий Н.В. Гоголя к поэтике комедии «Ревизор» // Проблемы исторической поэтики. – 2020. – Т. 18, № 1. – С. 146–174.
10. Виноградов И.А. Эсхатология комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» // Проблемы исторической поэтики. – 2019. – Т. 17, № 4. – С. 68–90.